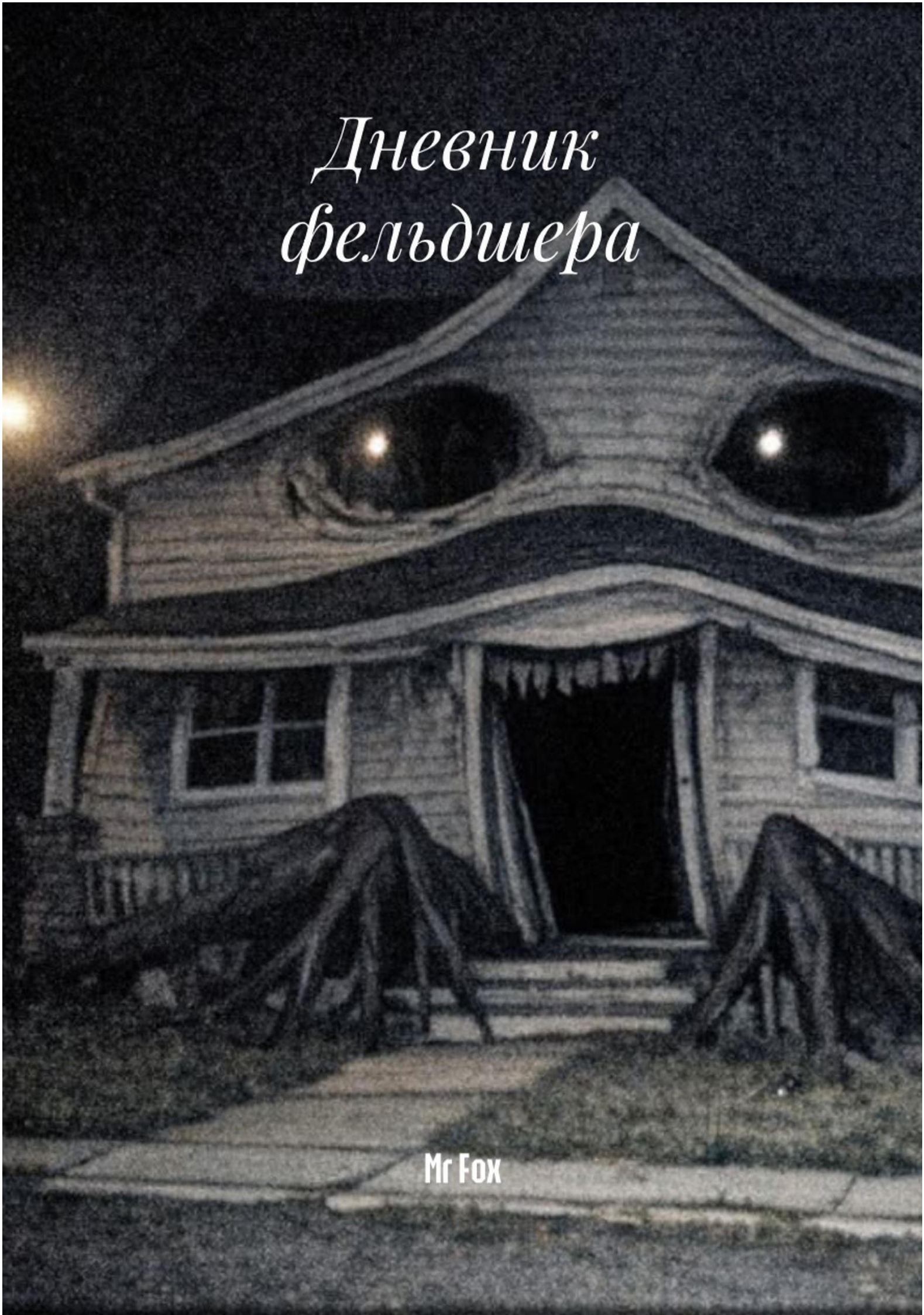
Дневник фельдшера

Mr Fox

Mr Fox

Дневник фельдшера

«Автор»
2026

Fox M.

Дневник фельдшера / M. Fox — «Автор», 2026

Уставший от жизни фельдшер услышал от кого-то из друзей, что сейчас модно вести дневники, и решил завести свой собственный. Кто же знал, что старый блокнот станет удивительно поучительной историей для нового жильца.

© Fox M., 2026
© Автор, 2026

Mr Fox
Дневник фельдшера

А вы часто слышали, как скрипит
что-то в старых домах? Как
недовольно и даже зло рычат старые
холодильники? Как жадно хлопают
входные двери покосившихся домов,
словно голодные.
А вот я это слышу, я замечаю это
изо дня в день и каждый раз боюсь,
что не успею убрать руку до того,
как дверь захлопнется и откусит
мне пару пальцев

Ах точно, я же совсем забыл представиться. Я Тенёв Владимир Андреевич, мне 31 год, и я пишу это в ясном рассудке и полном здравии. Не знаю, зачем я вообще завёл этот дневник, наверное, потому что мне когда-то советовали записывать свои мысли на бумагу. Я работаю фельдшером, и, к сожалению, избежать контакта с домами старого фонда у меня нет возможности.Каждый раз, когда квартира раскрывает свою дверную пасть, меня пробирает дрожь. Я боюсь зайти и не услышать под ногами скрипа старого паркета, а почувствовать мягкое нечто, что обязательно окажется языком голодной хрущёвки.Я знаю, где я окажусь. Об этом месте мне каждый раз рассказывают скрипящие петли на шкафчиках и тикающие часы на стене. Возможно, часы говорят о чём-то ещё, но я стараюсь не вслушиваться в тихое тиканье. Я не могу ошибаться, и, к моей печали, никак не спишу это на «послышалось» или «сам додумал», потому что они зовут по имени, они говорят те факты, которые никто другой не мог обо мне знать. Я думаю, вам тоже интересно, про какое такое место я хочу вам рассказать.Это мир забытых вещей, мыслей и существ. По-простому — свалка, куда мир отправляет всех, кто перестал окупать затрачиваемые на своё существование ресурсы.Я туда ни разу не попадал. И дай бог не попаду. Но я чувствую его дыхание каждый раз, когда переступаю порог очередной старой квартиры. Оно ледяное, вязкое, оно обволакивает лицо, как чужая ладонь. Я научился узнавать это чувство за секунду до того, как дверь откроется. И научился убирать руку, чтобы квартира не успела стать пастью.Потому что дверные ручки в таких домах — не просто металл. Они липнут. Они тянут тебя внутрь, уговаривают, шепчут. Я слышу их, когда подношу пальцы. Не слова — скорее мысли, которые не принадлежат мне, потому что своего голоса у них давно нет. Я отдёргиваю руку и открываю дверь локтем, через край собственной куртки. Напарник смеётся, подкалывает и рассказывает сказки о микробах, которые съедят мои руки. А я молчу. Потому что если скажу правду, меня самого упекут в психушку. Или того хуже — перестанут вызывать на работу, и я останусь один на один с этими домами. Я заметил: если задержаться в квартире дольше, чем нужно, стены начинают меняться. Сначала просто кажется, что комната стала меньше. Потом — что потолок опустился на пару сантиметров. Потом — что пол под ногами больше не скрипит, а стонет. Не дерево — живое. Я ухожу. Всегда ухожу, как только заполнил бумаги, как только убедился, что пациент дышит. Оставляю вещи, инструменты, даже перчатки — лишь бы уйти быстрее. Саша ругается: «Ты вечно теряешь что-нибудь!» А я знаю: я не теряю. Их забирают. Я отдаю это в благодарность за то, что я ушёл, не задержался, не заглянул в те комнаты, куда меня звали.Я не беру в таких домах еду. Даже чая. Однажды старушка протянула мне печенье — домашнее, румяное. Я поблагодарил и сказал, что не голоден. На самом деле я заметил, что печенье лежало на тарелке, а тарелка — на столе. Но стол дышал. Я видел, как чуть-чуть приподнимается и опускается его столешница, будто чья-то грудь. С тех

пор я ношу свой термос. И ни к чему не прикасаюсь в чужих домах. Потому что выключатели щёлкают не как пластик — как суставы. Один раз я всё же нажал — просто по привычке. Мне показалось, что кто-то рядом больно выдохнул. Больше я так не делаю.

18.04.2003. Утро, понедельник.

Ну и утро. Понедельник, блин. Я вообще не понимаю людей, которые говорят, что любят понедельники. Наверное, они просто никогда не вставали в полседьмого, когда за окном ещё темень, а кровать такая тёплая, такая родная, что хочется лежать и лежать до самого обеда. Будильник прозвенел в 6:30. Я его, кажется, ненавижу всей душой. Он у меня старый, советский ещё, от отца остался. И он не пищит, как нормальные будильники, он трезвонит. По-настоящему, как пожарная сирена. Я каждый раз подпрыгиваю. В общем, я нажал «отбой» и провалялся ещё минут десять, глядя в потолок и думая: ну зачем, зачем я пошёл в эту медицину? Можно же было пойти в библиотекари. Тишина, книжки, никаких хрущёвок. Но нет, выбрал же. Потом встал. Умылся. Побрился — порезался, конечно, потому что сонный и руки дрожат. Кофе сварил. Я без кофе с утра — не человек. Кофе у меня в турке, по-восточному, с кардамоном. Тётя научила, царствие ей небесное. Пока варится, я успеваю подумать о том, что сегодня будет. А сегодня будет то же, что и всегда: вызовы, пациенты, бумажки, и если повезёт — ни одного старого дома. Если не повезёт — опять буду стоять на лестничной клетке и считать секунды до выхода. Завтракал я бутербродом с сыром и колбасой. Нормально так, с хлебом бородинским. Дневник свой я уже взял — привык к нему, сроднился, как с любимой кружкой. Положил в сумку. Думал, что испачкаю страницы маслом или крошками, потому что я вечно пачкаю всё вокруг, но нет — повезло. Ни одной жирной капли. Даже удивился. Наверное, сегодня какой-то особенный день.

7:50. На подстанции. Саша уже там, чай пьёт из своей кружки с надписью «Лучший водитель». Он её на день рождения получил и теперь таскает везде. Смешной. Саша рассказывает, что сегодня у нас по графику пять вызовов, а потом ещё подмены до вечера. Я киваю, но не слушаю. Извини, Саш. Просто я внутренне собираюсь. Как перед боем или перед экзаменом. Надеюсь, что сегодня не пошлют в старый фонд. Вчерашний дом на Лермонтова до сих пор у меня перед глазами стоит. Та дверь в бабкиной квартире. Я тогда выходил, и она мне ладонь чуть не лизнула. Нет, не лизнула — это я так говорю, для красоты. Она просто… Ну будто повернулась ко мне своей ручкой, чтобы снова коснуться моей руки. Брр. Я до сих пор вздрагиваю, когда вспоминаю. Фу. Противно.

9:15. Первый вызов. Юго-Западная, новостройка. Красота. Двадцатиэтажка, лифт с зеркалами, пахнет краской и новыми коврами. Я даже улыбнулся, когда зашёл. Квартира чистенькая, светленькая, мебель из Икеи — вся такая правильная. Я позволил себе даже присесть на стул. Обычный пластиковый стул, на котором даже никто не умирал. Красота. Пациент — мужчина, гипертонический криз. Померил давление, сделал укол и объяснил, какие таблетки пить. Уходя, взялся за дверную ручку — нормальная, хромированная. И подумал: «Вот бы все дома такими были».

11:30. Второй вызов. Опять новостройка. Я уже начал привыкать к хорошему. Скучно, да, однообразие, но это та скука, за которую я готов молиться. Потому что когда скучно — значит, ничего не рычит, не скрипит и не пытается тебя съесть.

14:10. Вот и время обеда, а я даже не заметил. В интернете, кстати, в дневниках пишут время и даты. Я подумал: буду как все. Наверное, это правильно.Отработал четверть дня, если считать по вызовам. Сегодня везёт — в основном новостройки. Но я всё равно устал. Не физически — ноги не болят, спина не ноет. Устала голова. Потому что я всё время начеку. Даже в этих пластиковых коробках я выискиваю что-нибудь. Взгляд сам бежит по углам: не дышит ли стена, не скосил ли на меня глаз выключатель. Это как привычка, которую уже не отключить. Наверное, я схожу с ума. Или наоборот — впервые вижу мир таким, какой он есть.Медсестра наша, Ирина Викторовна, заглянула в машину. Мы как раз ждали диспетчера. Она увидела

мой дневник — я его на коленях держал, что-то записывал — и спрашивает: «Володя, а это вы всё пишете? Что, заметки по больным?» Я говорю: «Ага, для отчёта». Ну не рассказывать же ей правду. Представляете? «Ирина Викторовна, я записываю, как холодильники рычат и как двери пытаются откусить мне пальцы». Меня бы сразу в психушку отправили. Или уволили. Скорее всего, и то и другое.Она кивнула и ушла. А Саша хмыкнул: «Психи, эти врачи». Я не обиделся. Может, он и прав. Может, мы все тут немного того.

16:30. Четвёртый вызов. Старый фонд. Хрущёвка на Вокзальной. Я её ещё издалека узнал — серая, облупленная, двор заставлен ржавыми машинами. Саша говорит: «Да ладно, быстренько». А я просто пожимаю плечами и иду за ним.Подъезд как подъезд. Пахнет кислой капустой, мочой и чем-то сладковатым — я уже не разбираю, это дом или просто соседские запахи. Стены крашеные, зелёные, отслаиваются пластами. Лестница скрипит, но я не обращаю внимания — все лестницы скрипят, не угадаешь, где просто дерево, а где что-то другое.Квартира на третьем этаже. Дверь старая, филёнчатая, ручка болтается. Я открыл, зашёл. Внутри — полумрак, шторы задёрнуты, горит только торшер в углу. Пахнет лекарствами, старым постельным бельём и ещё чем-то, от чего у меня внутри ёкает. Не страшно — противно. Как будто зашёл в комнату, где кто-то недавно болел чем-то заразным.Бабушка сидит на кровати, кутается в платок. Давление у неё подскочило. Я делаю свою работу: измеряю, слушаю, даю таблетки. Всё как обычно. Но всё время, пока я там нахожусь, мне хочется вымыть руки. Не после больной — просто так. Потому что воздух какой-то липкий. Он не давит, не душит, просто оседает на коже, как невидимая грязь. Я стараюсь дышать носом и не касаться ничего лишнего.Закончил. Вышел. На лестничной клетке выдохнул. Не облегчённо — просто потому что воздух там был тяжёлый. Саша спросил: «Ну что?» Я сказал: «Всё нормально». Он кивнул, и мы пошли к машине.А на душе остался осадок. Просто ощущение, что я побывал в месте, где человеку быть не положено. Видимо, дом не голоден и был совершенно не рад незваному гостю. Как будто зашёл в чужую комнату без спроса, и хозяин не ругается, но смотрит так, что хочется извиниться и уйти. Я и ушёл. И надеюсь, что в ближайшее время сюда не вызовут снова.

20:15. Вернулся домой. Наконец-то.Разделся, скинул форму в стирку, залез под душ. Стоял, смотрел, как вода стекает, и думал: ну и день. Не скажу, что тяжёлый, но выматывающий. И не потому, что много вызовов, а потому, что голова всё время была занята.Сейчас сижу на кухне, чайник грею, дневник перед собой. Печенье нашёл в шкафу, завалялось, ещё с прошлой недели. Надо бы купить что-то нормальное, да всё руки не доходят. Может, завтра после смены заскочу в магазин.В общем, день прошёл. Новостройки были, ничего интересного. Только одна хрущёвка после обеда — та, на Вокзальной. Я про неё уже писал. Ничего там особенного не случилось, но осадок остался. Противный. Как будто я пылью чужой обдышался. До сих пор отмыться не могу, хотя душ принял.Саша сегодня весь день травил анекдоты, я даже пару раз улыбнулся. Потом мы заезжали на заправку, я купил себе сникерс и кофе из автомата. Кофе был отвратительный. Сникерс спас ситуацию. Вечером диспетчер сказала, что вызовов больше не будет, и мы поехали на подстанцию сдавать машину. Я карты заполнил, отчитался, и — домой.Сейчас чайник закипел. Заварю себе покрепче, налью в любимую кружку — ту, с трещиной, но я её всё равно пью. Лягу на диван, включу телевизор для фона. Даже смотреть не буду, просто чтобы голоса были. Не люблю тишину после таких дней. В тишине начинаю прислушиваться: не скрипнет ли что-то в углу. А так — телевизор себе болтает, и мне спокойно.Ладно, пойду чай пить. Дневник положу на тумбочку рядом с будильником. Надеюсь, ночью никто из них не начнёт разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.